

Анатолий Мерзлов

Платановая Аллея

Анатолий Мерзлов

Платановая аллея

«Автор»

2026

Мерзлов А. А.

Платановая аллея / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

Провинциальный черноморский городок, июльский зной и случайная встреча спустя двадцать восемь лет. История о человеческих судьбах, переплетенных морскими путями и военными испытаниями. Рассказ о скромном герое войны Паше Гнилищом, его трагической любви и дочери Людмиле, которая через годы находит человека, способного понять семейную тайну. Философское произведение о времени, памяти и человеческих отношениях, где прошлое и настоящее встречаются под сенью платановой аллеи.

© Мерзлов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Платановая аллея

Глава

Писатель , профессор, академик МАНИ .

*Так много роз цветёт, но кто сорвать их может,
не испытываю шипов опасную вражду?*

Хафиз Ширази.

Уходил в небытие очередной тусклый день провинциального черноморского городка. Он мог дополнить плеяду тех блёклых, невыразительных дней, которыми, к несчастью, в большинстве своём заполнена наша жизнь, если бы не случай. Он нарушил покой, подобно нечаянному шагу у истоков множественных наших речушек, вдруг взбаламутившему промоину одного из тишайших, кристально чистых родничков. Можно попытаться узнать впоследствии, в чередё фактов, его географическую сущность, но стоит ли напрягать мысли? Стоит ли совершать усилия? Рождённая в одной стране, подверженная общим законам становления и развития, она узнаваема всюду. А некоторые особенности людской молвы заведут вас в такие дебри тупика, отчего в вашей голове образуется полный разлад.

Наслаждайтесь тем, что воспринимаете сами, легко отдыхая без подоплёки. Июльский зной создаёт предпосылку далёким, пока студёным зимним ветрам, а ненужные мысли рожают разочарование и пустую энергию.

Солнце скатывалось к горизонту. Загорелся озон небосвода, предвещая своим ярким пламенем будущий день мелочных провинциальных тревог, приключений и, конечно же, забот. На лавочке напротив горели шахматные страсти, поодаль резались в карты. Вокруг царила курортная тенденция. Рядом, двое мужиков контрастного возраста, охлаждали уже предельно разгорячённые страждущие утробы холодным пивом. Бок о бок с ними, две девушки критического возраста, тоже глумились над бодрящим напитком. Над головой шептались листья разомлевших от угнетающей июльской истомы преклонных платанов. В лицо бросало жаром от раскалённого солнцем камня домов.

В самую пору возлечь в тени у горного ручья и предаваться умиротворяющим мыслям о прекрасном настоящем или, на худой конец, о близком будущем, где пока нет места пусть нехитрым, но проблемам южной слякотной зимы.

Мы сидели вдвоём, утомлённые бредом соседей, убитой бахусом уличной философией, безнадёжно желая уединения и тишины. И странно, но в горячей голове всплывали совсем не караван верблюдов в знойных барханах. В ней материализовались северные широты, изрезанный ледоколом проход и длинная вереница низкосидящих ленд-лизовских посудин, крадущихся в сумраке полярной ночи. Налюбовавшись друг другом при встрече, теперь мы отрешённо смотрели перед собой, вспоминая каждый свой, в прошлом яркий, запавший в сердце сюжет из прошлого.

Людмила — так звали мою спутницу — собирала через отдалённых друзей и знакомых сведения обо мне, приближаясь к встрече из года в год. Она нашла меня через двадцать восемь лет. С какой же страстью она всматривалась во все лица, двигаясь от начала аллеи к условленному месту встречи!

Я узнал её сразу, с самого начала её шествия, по свойственной только ей нервной походке, неизменной причёске «гаврош» и воронову крылу на лбу. Но, интригуя, внешне безучастно продолжал сидеть в ожидании развязки, приняв позу праздного курортника. Поравнявшись со мной, она метнула в мою сторону взгляд и почти проскочила, но вдруг замерла ко мне спиной.

— Это ты! Я чувствую! — почти выкрикнула она.

Шахматисты подняли лица в недоумении. Она пошла на меня тараном. Я не стал тянуть, встал, и мы обнялись, застыв надолго на виду у всех. Всё ещё красивая, но поплёкшая с годами женщина и притрушенный сединой степенный дядечка. Слышно было, как колотится её сердце. Она ждала этого мгновения давно и страстно.

— Не очень похож на героя твоих фантазий, но это действительно я...

...Под завязку гружёный танкер резал гладь тропических вод, оставляя за кормой широкий пенный след, всколыхнувший не одну душу поэта, коими полнился флот. Альбатросы ловили попутную струю ветра, стремительно лавируя, а мы стояли с ним под навесом шлюпочной палубы и молчали. Он — немолодой уже донкерман Гнилицкий, и я — двадцатитрёх-летний четвёртый механик. Через три дня, к знаменательной дате, я, как редактор стенной газеты, решил подготовить далёкий от стандартного интересный очерк. Тема высвечивалась через тонкий пергамент отрывного календаря — приближался день 23 февраля. Вырезки из печати, избитые статейки принижают и опустошают, делают никчёмным твой труд. Как разговаривать, заставить раскрыться интересного, но тихого, необщительного, немного странного человека?

Опершись на леер, мы смотрели на бегущую за бортом водную гладь. После дежурных условностей я не смел раскрыть рот, боясь вспугнуть его неосторожным словом. Несмотря на немалый возраст, он для всех был Пашей Токи-так — плотненький, как боровичок, но суетливый, с мешочками под глазами, выглядевшими так же, как и он весь, игрушечно. Его внешний вид вызывал одно лишь сострадание.

С чего начать? Как расположить к себе этого закрытого человечка, в глазах которого нескрываемая тоска? О чём он всё думает?

А Паша внезапно резко повернулся ко мне лицом, посмотрел пристально мне прямо в глаза и спросил:

— Будешь разыгрывать? Давай, я не обижусь. У каждого свой удел.

Неожиданно напыщенный, книжный тон заставил меня быть смелее. Я действительно от скуки, от случая к случаю разыгрывал его.

— Паша, прости, если мои шутки казались тебе обидными. Как никто, ты понимаешь, насколько заедает судовое однообразие. Теперь говорю без подвоха. Мне хотелось сегодня, прямо сейчас, увидеть в тебе того Пашу сорок лет назад.

— Такого, как ты сейчас? — быстро откликнулся он. — И ты представляешь, что я когда-то был человеком с будущим? — продолжал он в высоком стиле.

— Пожалуй, да, — внутренне радуясь успеху, уверенно заключил я. — У тебя, судя по анкете, богаче, интереснее прошлое. Расскажи мне что-нибудь на своё усмотрение, а я постараюсь сделать тебя героем своего очерка, — открыл я ему суть своего замысла.

— Нет, нет, шутки у тебя не злые, и отношусь я к тебе совсем неплохо. Если не ошибаюсь, отношения наши дружеские. В своё время я тоже любил разыгрывать сорокотов. Пошли в каюту. Есть у меня на случай заначка. Поговорим, если так хочешь, о моих прошлых геройствах. Может быть, это и есть как раз тот редкий случай.

Мы спустились к нему в каюту. Из глубин рундука Паша достал бутылочку хорошего армянского коньяка, нарезал лимон, кинул на стол жменю простеньких конфет, налил в дребезжащие рюмки пахучей жидкости и без вступления предложил тост:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.